

МОСКВА

БОЛЬШИЕ ПЛАНЫ,
ОПАСНЫЕ ТАЙНЫ,
ГРОМКИЕ СЛОВА

★ *Евгения Тенькова* ★

ПИТЕР

КРАСИВЫЕ ТАЙНЫ,
МОКРЫЙ ВЕТЕР
И КОТЫ

Мотор. Камера. Мур.♥

РОССИЯ ♥

*Порой
одно слово
меняет
всё...*

*Истина
где-то
посередине*

ЧАПС

ВАСЯ

ВОЛГА

КОФЕ
на Патриках

РАССЛЕДОВАНИЕ
С ХАРАКТЕРОМ

КАЗАНЬ
ЕКАТЕРИНБУРГ
ВЛАДИВОСТОК
БАЙКАЛ
СОЧИ
КАЛИНИНГРАД

Евгения Пенькова
Мотор. Камера. Мур

«Автор»

2026

Пенькова Е. В.

Мотор. Камера. Мур / Е. В. Пенькова — «Автор», 2026

Жизнь — это не пункт назначения. Это затюнингованная бирюзовая Волга, хорошие друзья, бесконечная дорога, закат за лобовым стеклом и кот, который после БарберКТИ абсолютно уверен, что его подстригли под льва исключительно по исторической справедливости. Всё остальное — детали. От Патриков до Петербурга, от шумной Москвы до самых дальних уголков нашей огромной страны. Туда, где живут удивительные люди, хранятся невероятные истории, варятся самые вкусные пельмени и случаются приключения, которые невозможно придумать заранее. Потому что самые важные путешествия всегда начинаются с дороги. И заканчиваются совсем не там, где планировались.

© Пенькова Е. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1 Наблюдение начинается раньше, чем вы думаете	7
Глава 2 Белая вода и чёрные формулировки и кольцо за три миллиона	15
Глава 3 Волга, пробки и мужчина с неправильной улыбкой	21
Глава 4 Рублёвка, карпы, Саломея Ранская и люди, которым срочно нужен адвокат	27
Глава 5	38
Мокрый Чапс, пропавшие очки и люди, которые слишком боятся одной флешки	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Евгения Пенькова

Мотор. Камера. Мур

Предисловие

Когда я была маленькой, мне казалось, что взрослые знают ответы на все вопросы. Они уверенно принимали решения, строили планы на годы вперед, покупали квартиры, меняли работу, создавали семьи, воспитывали детей и выглядели так, словно совершенно точно понимают, что делают и куда идут.

Потом я выросла.

И неожиданно выяснилось, что взрослые — это всё те же дети, только немного выше ростом, с кредитами, обязанностями, морщинками возле глаз и огромным количеством вопросов, на которые никто так и не придумал правильных ответов.

Мы все куда-то спешим, строим планы, совершаем ошибки, влюбляемся, теряем, находим, боимся, надеемся, разочаровываемся и снова учимся верить. Иногда смеёмся так, что болит живот, иногда плачем на кухне среди ночи, а иногда садимся в поезд, самолёт или старую машину и вдруг понимаем, что самые важные вещи происходят совсем не там, где мы их искали.

Наверное, именно поэтому я люблю истории.

Не идеальные.

Не выдуманные до последней запятой.

А живые.

Те, в которых люди ошибаются, попадают в нелепые ситуации, говорят глупости, спорят, мирятся, мечтают, любят и продолжают идти вперед, даже когда не знают, что ждёт их за следующим поворотом.

Эта книга именно об этом.

О дорогах и людях, о дружбе и любви, о путешествиях и случайных встречах, которые меняют жизнь сильнее самых тщательно продуманных планов. О том, что счастье редко приходит по расписанию и почти никогда не спрашивает разрешения войти, зато появляется именно тогда, когда его совсем не ждёшь.

На страницах этой книги вы встретите журналистку Мусю Кошкину, видеографа Пусю Кротова, философа Васю, очаровательную Матильду и, конечно же, Чапса — кота, который абсолютно уверен, что здравый смысл сильно переоценён, а хорошие пельмени способны решить гораздо больше проблем, чем принято считать в приличном обществе.

Вместе они будут путешествовать по России, искать пропавшие кольца и метеориты, распутывать странные истории, попадать в нелепые ситуации, знакомиться с удивительными людьми, смотреть закаты, сидеть у костров, смеяться до слёз и каждый раз находить совсем не то, что искали изначально.

Впрочем, жизнь всегда поступает именно так.

Мы ищем одно, а находим другое.

Мечтаем об одном, а счастливыми нас делает совершенно другое.

Строим маршрут на карте, а потом случайно сворачиваем не туда и получаем самое яркое приключение своей жизни.

Если честно, мне очень хочется, чтобы после этой книги вам стало немного теплее. Чтобы вы вспомнили людей, которых любите, позвонили тем, кому давно собирались позвонить, налили себе чашку чая, посмотрели на вечернее небо и ещё раз убедились, что жизнь —

удивительная штука. Иногда сложная, иногда несправедливая, иногда смешная до невозможности, но почти всегда гораздо интереснее, чем кажется на первый взгляд.

А ещё мне очень хочется, чтобы вы улыбались.

Потому что серьёзности в нашей жизни и без того хватает.

Поэтому устраивайтесь поудобнее, заваривайте чай, берите с собой хорошее настроение и отправляйтесь в путь вместе с героями этой книги.

Старая бирюзовая Волга уже прогревает двигатель, Чапс ворчит на навигатор, Муся собирает материал для нового репортажа, Пуся проверяет камеру, Вася снова размышляет о смысле жизни, а Матильда смотрит в окно и улыбается чему-то своему.

Значит, пора отправляться в дорогу.

А хорошая дорога, как известно, всегда начинается с первой страницы.

С любовью, Евгения Пенькова

Глава 1 Наблюдение начинается раньше, чем вы думаете

*Пока вы верите: всё это — ваше,
сюжет уже выбрал и время, и роль.
А тот, кто молчит и сидит чуть подальше,
давно уже знает ваш главный пароль.*

Пока люди уверены, что живут своей жизнью, кто-то уже давно сидит в стороне, пьёт кофе и делает выводы.

Москва просыпалась нервно.

Она вообще редко просыпалась спокойно.

Где-то под окнами уже ругались из-за парковки. Мужчина в спортивных штанах с надписью «RICH» орал так, будто от его интонации зависела судьба человечества, а женщина в леопардовом халате отвечала с той яростью, которая появляется только у людей, переживших ипотеку, измену и собрание жильцов в один период жизни.

С верхнего этажа доносился звук перфоратора.

В семь сорок утра.

Это было не ремонтное оборудование. Это была угроза.

(Вася: Люди удивительно уверены, что их личный шум — это часть мирового порядка.)

За окном моросил мелкий московский дождь. Тот самый. Неприятный. Упрямый. Который не льёт красиво, как в кино, а будто специально висит в воздухе, чтобы испортить настроение и причёску одновременно.

Приоткрытое окно пропускало запах мокрого асфальта, кофе из соседней кофейни и весенней сырости. Город пах:

дождём;

бензином;

свежей выпечкой;

и чужими нервами.

Квартира Муси Кошкиной находилась на двенадцатом этаже нового дома и была абсолютно идеальной квартирой творческого человека.

Не показательно роскошной. Не огромной.

Но такой, где каждая вещь выглядела так, будто появилась здесь после долгих переговоров со вкусом.

Пятьдесят шесть квадратных метров.

Кухня-гостиная. Спальня. Гардеробная. Два туалета.

Да. Два.

Потому что второй официально принадлежал котам.

И Муся считала это абсолютно нормальным.

(Чапс: Наконец-то в этом доме прозвучала разумная мысль.)

Кошачья зона вообще выглядела так, будто её проектировал дизайнер интерьеров с лёгким психическим расстройством и огромной любовью к животным.

У Васи и Чапса была собственная мини-комната.

Двухуровневая.

На втором уровне располагались лежанки:

одна строгая графитовая — Васина;

вторая белая, пушистая и подозрительно похожая на облако — Чапса.

На первом этаже находилась игровая-гардеробная.

Да. Гардеробная.

Потому что у Чапса и Васи было:

четыре бабочки;

два свитера;

дождевик;

новогодний костюм оленя;

и маленькая панама, которую Чапс ненавидел всей душой.

(Чапс: Панама — это унижение в текстильной форме.)

На кухне у каждого кота стояло по три миски.

Для воды. Для сухого корма. Для влажного.

Причём миски тоже были дизайнерские.

Матовые. Керамические. С подставками.

Вася считал это излишеством.

Чапс — базовым уважением.

(Вася: Люди слишком стараются сделать жизнь красивой вместо того, чтобы сделать её логичной.)

Тёплый свет кухни мягко ложился на деревянную столешницу.

Где-то тихо шумел очиститель воздуха. Тикали часы. Закипал кофе.

Муся Кошкина стояла перед большим зеркалом в спальне.

Она не просто собиралась. Она проводила ритуал.

И это были две очень разные вещи.

Если бы археологи однажды нашли Мусину ванную комнату отдельно от квартиры, они бы решили, что там жила:

королева;

химик;

косметолог;

и слегка тревожный человек одновременно.

На огромной полке стояли:

сыворотки;

кремы;

маски;

патчи;

молочко;

пенки;

масла;

тоники;

мист для лица;

мист для волос;

мист, назначение которого уже никто не помнил, но он был дорогой;

и четыре зубные щётки.

Четыре.

Потому что:

одна — для утра;

одна — для вечера;

одна — «очень мягкая»;

и одна — «не знаю зачем, но хорошая».

Рядом лежал специальный скребок для языка.

Чапс однажды увидел его и сутки был уверен, что это ветеринарный инструмент.

(Чапс: Я до сих пор думаю, что это маленькая лопата для человеческих комплексов.)

Муся методично наносила средства слой за слоем.

Сначала умывание. Потом пенка. Потом молочко. Потом сыворотка. Потом ещё одна сыворотка. Потом крем. Потом крем под крем. Потом что-то сияющее.

Вася наблюдал за этим с подоконника уже пятнадцать минут.

— Мне кажется, она собирает себя по частям, — сказал он.

— Мне кажется, она реставрирует цивилизацию, — ответил Чапс.

(Вася: У людей очень странные отношения с собственным лицом.)

Муся не реагировала.

Она была сосредоточена.

Потому что подготовка к выходу для неё была почти медитацией.

Мир снаружи был шумным. Нервным. Непредсказуемым.

А здесь всё зависело только от неё:

температура воды;

текстура крема;

стрелки;

оттенок помады;

серьги;

аромат.

(Муся: Женщина без ритуалов слишком быстро устаёт от людей.)

Она открыла шкаф.

И вот тут начиналась настоящая драма.

Потому что шкаф Муси был не шкафом.

Это был центр управления образом.

Когда двери разъехались в стороны, воздух наполнился запахом:

дерева;

дорогого парфюма;

хлопка;

кожи;

и лёгкого аромата лаванды.

Платья висели по цветам. Жакеты — по настроению. Обувь — по степени опасности мероприятия.

Чапс сидел рядом и наблюдал.

— Мы сегодня вообще куда-нибудь доедем? — спросил он.

— Нет, — ответил Вася. — Мы состаримся здесь.

Муся достала один жакет. Посмотрела. Вернула.

Потом второй.

Потом третий.

Потом просто стояла и думала.

Очень долго, по крайней мере так показалось котам.

— Она сейчас выбирает между «роковая журналистка» и «интеллектуальная катастрофа», — заметил Вася.

— А есть разница?

— Для мужчин — огромная.

Чапс философски вздохнул:

— Красивые женщины всегда долго собираются.

— Почему? — спросил Вася.

— Потому что мир слишком быстро делает выводы.

Вася медленно повернул голову.

— Это было неожиданно глубоко.

— Я многослойный.

(Чапс: Иногда даже я удивляюсь себе.)

Наконец Муся выбрала мягкий молочный свитер, широкие графитовые брюки и французский берет.

Берет сидел идеально. Как будто родился для этой головы.

Муся посмотрела в зеркало.

Потом снова ушла в ванную.

— Нет, — простонал Чапс.

— Это второй круг, — спокойно сказал Вася.

— Зачем?

— Она вспомнила про хайлайтер.

(Чапс: Я живу с самым красивым и самым утомительным человеком Москвы.)

Муся тем временем аккуратно красила губы.

Потом стирала. Потом снова красила.

— Я уже проголодался второй раз, — сказал Чапс.

— Это потому что ты ешь как эмоционально нестабильный медведь.

— Я чувствительный.

(Вася: Чапс путает чувствительность с постоянным желанием перекусить.)

Муся наконец закончила.

И в комнате сразу стало как-то... собраннее.

Будто пространство тоже подтянулось.

Она поправила волосы.

Рыже-каштановые. С лёгкой волной. Те самые волосы, которые выглядят естественно только после сорока минут укладки.

На подоконнике сидел Вася.

Как всегда.

Спокойный. Неподвижный. Собранный.

Вася вообще двигался только тогда, когда это было необходимо. Он считал лишние движения признаком внутренней паники.

Кельтский короткошёрстный кот с чёткой буквой «М» на морде смотрел на мир так, будто уже видел все варианты развития событий и ни один его особенно не вдохновил.

(Вася: Люди думают, что контролируют жизнь. Хотя большинство не контролирует даже уведомления.)

— Ты опять смотришь так, будто человечество тебя разочаровало, — сказала Муся.

— Я просто наблюдаю статистику.

— И как она?

— Ухудшается.

Из прихожей донёсся тяжёлый, театральный вздох.

Так вздыхали:

актрисы в турецких сериалах;

женщины после развода;

и Чапс после груминга.

Норвежский лесной кот сидел перед зеркалом и смотрел на себя с выражением глубокого личного конфликта, как будто судьба, мода и ветеринарный сервис заключили против него частный союз.

Вообще Чапс был красивым котом.

Очень.

Из тех существ, рядом с которыми даже дорогая мебель начинает выглядеть как фон.

Серо-белый. Пушистый. С огромными голубыми глазами и выражением морды, в котором одновременно жили:

харизма;

голод;

обида;

любопытство;

и уверенность, что мир должен быть к нему добрее.

Но после Мусиных «уходовых решений» всё менялось.

Стрижка под льва делала его похожим на существо, которое одновременно:

хотело казаться сильным;

загадочным;

и совершенно не собиралось спать без пледа.

Он медленно потрогал лапой выбритый бок.

Вздрогнул.

— Я не понимаю, — произнёс он трагическим голосом, — в какой момент моя жизнь пошла по пути унижения.

— В тот момент, когда ты решил спать в батарее, — спокойно ответил Вася.

— Это была зима.

— Это был май.

(Чапс: Великих всегда не понимают.)

Чапс ещё раз посмотрел в зеркало.

Очень долго.

— У меня ощущение, что меня упростили.

(Чапс: Глубина ушла вместе с шерстью.)

— Тебя не упростили, — спокойно сказал Вася. — Тебя сделали наглядным.

— Это ещё хуже.

— Это заметнее.

Чапс тяжело вздохнул.

— Я выгляжу как кот, которого сократили.

Муся прыснула со смеху.

— Тебе идёт.

Чапс медленно повернул голову.

— Не добивай.

— Ты мог бы меня поддержать, — сказал он Васе.

— Я поддерживаю реальность.

— Иногда мне кажется, что ты её переоцениваешь.

— Иногда мне кажется, что ты её ешь.

— Потому что она плохо защищена.

(Вася: Самые эмоциональные существа всегда уверены, что это окружающие слишком жестокие.)

В этот момент в дверь позвонили.

Три раза.

Нервно.

— Доставка, — сказала Муся.

— Паника, — уточнил Вася.

Муся открыла дверь.

На пороге стоял молодой курьер.

Щуплый. В кепке. С огромным пакетом еды. И с выражением лица человека, который уже устал жить.

Потом он увидел котов.

И устал сильнее.

Вася смотрел на него спокойно.

Чапс — с интересом.

— А... а они не кидаются? — осторожно спросил парень.

Чапс возмутился:

— Это уже клевета.

— Он боится ответственности, — сказал Вася.

Курьер, конечно, слышал только мяуканье. Но почему-то начал бледнеть.

— Подпишите тут... и я пойду.

Чапс подошёл ближе.

Парень отступил.

Чапс ещё ближе.

Парень уже почти прижался к стене подъезда.

— Он чувствует мою силу, — довольно сказал Чапс.

— Он чувствует твой взгляд маньяка.

(Чапс: Харизма всегда пугает слабых.)

Муся забрала пакет.

— Спасибо.

Парень посмотрел на неё с уважением.

— Вы очень смелая девушка.

Когда дверь закрылась, Чапс победно поднял хвост.

— Дом под защитой.

— От студента с роллами.

— Угроза могла быть скрытой.

На кухне пахло кофе. Настоящим. С корицей. И чуть-чуть карамелью.

Муся всегда варила кофе в турке. Настоящий. Медленный. С пенкой.

Турка тихо шипела на плите.

Этот звук Муся любила почти так же сильно, как тишину после сложного эфира.

Она любила красивые ритуалы. Потому что хаос вокруг становился терпимее, если хотя бы чашка выглядела правильно.

Чайная пара осталась ей от бабушки. Тонкий фарфор. Маленькие золотые линии по краям.

Муся берегла её так, будто в этой чашке хранилась память о времени, когда люди ещё умели разговаривать медленно.

На кухонном острове лежали:

ежедневник;

ноутбук;

два телефона;

помада;

пресс-карта;

зарядка;

и список дел, который уже выглядел как предсмертная записка.

Телефон зазвонил.

Редактор.

Муся прикрыла глаза.

Редакторы никогда не звонят рано утром, чтобы сообщить что-то хорошее.

— Кошкина, срочно на канал.

— Что случилось?

— Всё.

— Это неконкретно.

— У певицы истерика. У депутата любовница. Блогерша пропала. И кто-то слил видео с козой.

Муся молчала секунды три.

— С какой именно козой?

— Сейчас это уже не главное.

(Муся: Когда редактор говорит «не главное», через три часа это будет федеральной новостью.)

Чапс уже сидел рядом.

— Кто пропал?

— Блогерша.

— Красивая?

— Очень.

— Тогда её найдут.

(Чапс: Красивых людей общество ищет активнее.)

В этот момент с кухни донёсся звук падения.

Потом грохот. Потом подозрительная тишина.

Муся медленно повернула голову.

— Чапс.

— Да?

— Что ты сделал?

— Ничего серьёзного.

Это была ложь.

Потому что Чапс стоял на столе. А рядом лежал телефон Муси.

С включённым прямым эфиром.

Трансляция уже шла.

Их смотрели тысячи людей.

Комментарии летели с бешеной скоростью:

«Это что за кот?» «Почему он похож на моего бывшего?» «Женщина в берете прекрасна»

«Это сериал?» «Я хочу жить в этой квартире»

На секунду в эфире мелькнуло окно.

А за окном — тёмная машина.

Слишком долго стоявшая у дома.

Вася резко замолчал.

И это было странно.

Потому что Вася никогда не молчал просто так.

Чапс посмотрел прямо в камеру.

И сказал:

— Люди, у вас очень странная жизнь.

Чат взорвался.

«ОН РАЗГОВАРИВАЕТ?» «Я не сплю?» «Это лучший эфир в моей жизни»

Муся метнулась к телефону. Выключила трансляцию. Замерла.

Тишина.

Очень опасная.

— Ну... — осторожно сказал Чапс.

— Ты понимаешь, что сейчас произошло?

— Популярность?

Телефон уже разрывался.

Редактор. Продюсер. Три журналиста. Две подруги. Неизвестный номер.
Без фотографии.

Без имени.

Только цифры.

Муся нахмурилась.

Почему-то ей показалось, что она уже видела этот номер.

Или слышала.

Именно это ощущение всегда пугало её больше всего.

Когда память что-то знает раньше сознания.

Телефон снова завибрировал.

Теперь на экране высветилось:

«Пуся Кротов».

— Это ещё кто?

— Уже интересно, — оживился Чапс.

Вася медленно посмотрел на экран.

И почему-то стал серьезнее.

Очень.

Будто имя что-то значило.

(Вася: Некоторые люди появляются ровно в тот момент, когда сюжет готов сломаться.)

Муся нажала «ответить».

Мужской голос был низким. Спокойным. С лёгкой усмешкой.

— Доброе утро. Это Пуся Кротов.

Муся чуть задумалась, после короткой паузы произнесла,

— Сочувствую вашему имени, — автоматически сказала Муся.

На том конце тихо рассмеялись.

— Обычно с этого и начинается знакомство.

Муся почему-то подошла к окну.

Тёмная машина всё ещё стояла во дворе.

И в этот момент ей впервые стало по-настоящему тревожно.

Не страшно. Не неприятно.

Интересно.

А это всегда было намного опаснее.

(Чапс: Красивые женщины всегда долго собираются. Потому что мир слишком быстро делает выводы.)

(Муся: Иногда тревога приходит раньше событий. И это почти всегда плохой знак.)

(Вася: Некоторые люди появляются в жизни не случайно. Случайно появляется только ощущение, что всё ещё под контролем.)

Глава 2 Белая вода и чёрные формулировки и кольцо за три миллиона

Когда вода становится слишком спокойной —

кто-то уже спрятал правду на дно.

А самые страшные тайны обычно

живут там, где снаружи всё слишком красиво.

Дом Ксюши Блю находился в посёлке, где даже собаки выглядели так, будто у них есть персональный психолог и контракт с косметологом.

Муся терпеть не могла такие места.

Нет, эстетически — великолепно.

Но её всегда настораживали пространства, где:

трава подстрижена идеально;

люди улыбаются идеально;

а несчастье замаскировано настолько дорого, что его почти хочется сфотографировать.

(Муся: Богатые люди не прячут проблемы. Они просто красиво подсвечивают их тёплым светом.)

Волга мягко остановилась у ворот.

Дождь закончился недавно.

Воздух пах мокрой древесиной, белыми розами и деньгами.

Чапс высунул морду в окно.

— Я чувствую драму.

— Ты чувствуешь рыбу, — сказал Вася.

— Хорошая драма всегда пахнет лососем.

(Чапс: Богатые люди эмоционально питаются морепродуктами.)

Ворота открылись бесшумно.

Даже механизмы здесь работали как люди после дорогой терапии — плавно, тихо и очень уверенно.

Во дворе находился бассейн.

Не бассейн.

Глянцевая декорация для человеческих нервных срывов.

Вода лежала ровно.

Слишком ровно.

Будто её тоже предупредили:

не портить картинку.

Чапс остановился.

— Ого.

— Нет, — сразу сказал Вася.

— Я ещё ничего не сделал.

— Именно это всегда и пугает.

Дом выглядел как архитектурный Pinterest тревожного миллионера:

стекло;
белый камень;
минимализм;
дизайнерские деревья;
и огромные окна, через которые было видно чужое напряжение.
На крыльце их встретила помощница Ксюши.
Высокая.

Худая.

В бежевом костюме цвета эмоционального выгорания.
Она держала:
телефон;
папку;
айпад;
и остатки нервной системы.
— Муся, спасибо, что приехала.
— Судя по лицу, вы либо кого-то потеряли, либо кто-то женился.
Женщина нервно улыбнулась.
— Почти всё сразу.
(Вася: Самые страшные фразы всегда начинаются со слова «почти».)
Внутри дом был ещё красивее.
И ещё тревожнее.
Пахло:
свечами;
кофе;
дорогим парфюмом;
лаком для волос;
и скандалом, который пока пытался выглядеть прилично.
На огромном молочном диване сидела белая собака.
Миниатюрная.

Идеальная.

С бантом.
И с выражением лица женщины, которая уже пережила:
три измены;
два курса психотерапии;
и одного очень творческого мужчину.
— Доброе утро, — сказала она сухо.
Чапс сразу сел ровнее.
— Какая вы красивая.
Собака устало посмотрела на него.
— Это ничего не изменило.
Пауза.
Даже Вася одобрительно моргнул.
(Собака: Красота — переоценённый актив.)
Сверху раздался крик:
— ГДЕ МОЙ ТЕЛЕФОН?!

Помощница вздрогнула.

— Началось.

Ксюша Блю появилась эффектно.

Как и все женщины, которые страдают публично.

Шёлковый костюм цвета шампанского.

Идеальная укладка.

Голые ноги.

Кофе.

И выражение лица человека, который:

не спал;

много плакал;

но всё равно собирался хорошо выглядеть в кадре.

— Муся, слава богу.

— Всё настолько плохо?

— Хуже. У меня интервью через час.

(Чапс: У богатых людей катастрофа начинается тогда, когда они плохо выглядят.)

Муся включила камеру.

— Давай сначала официальную версию.

Ксюша мгновенно выпрямилась.

Улыбнулась.

И стала красивой.

Не живой.

Именно красивой.

— Мы запускаем благотворительный проект для молодых дизайнеров...

Помощница молча вытирала слёзы в углу.

— ...и вчера у нас прошёл закрытый вечер...

Собака закатила глаза.

— ...в очень тёплой атмосфере...

Сверху снова раздался грохот.

— И ГДЕ ОН ВООБЩЕ?!!

Муся медленно опустила камеру.

— А теперь настоящую версию.

Ксюша тяжело села.

И будто резко стала старше.

— Вчера был скандал.

— Из-за мужчины?

— А из-за чего ещё происходят катастрофы после тридцати?

(Муся: Женщины могут пережить многое. Но чужую молодую любовницу — редко спокойно.)

Оказалось, вечером у Ксюши был закрытый ужин.

Гости:

блогеры;

музыканты;

продюсеры;

политики;
и очень богатые люди, которым скучно.
Главной звездой вечера была Лика Лав.
Двадцатитрёхлетняя блогерша.

Красавица.

Миллион подписчиков.

И талант вызывать ненависть у женщин одним своим существованием.
— Она слишком много снимала, — тихо сказала помощница.
Муся сразу подняла глаза.
— Что значит «слишком»?
Женщина замолчала.
Ксюша нервно отпила кофе.
— Она снимала всех.

Постоянно.

Телефоном.

Сторис.

Видео.

Голосовые.
— И?
— Потом появился Аркадий.
— Мужчина?
— К сожалению.
(Вася: Большинство человеческих катастроф приходит в брюках.)
Аркадий оказался:
инвестором;
владельцем сети клубов;
бывшим мужчиной Ксюши;
и нынешним человеком без определённого морального статуса.
Именно он подарил Ксюше кольцо.
Тот самый жёлтый бриллиант.
Три миллиона.
— А потом? — спросила Муся.
Ксюша закрыла глаза.
— Потом Лика начала с ним флиртовать.
— При Ксюше, — сухо уточнила помощница.
— При мне.

В МОЁМ доме.

В МОЁМ платье.

Потому что она облила шампанским своё.

— Это была честная случайность, — вставила собака.

— Ты вообще на чьей стороне?! — взорвалась Ксюша.

— На стороне психического здоровья.

(Собака: Это был тяжёлый вечер даже для меня.)

Дальше всё развалилось быстро.

Шампанское.

Крики.

Ревность.

Музыка.

Кто-то плакал.

Кто-то снимал.

Кто-то целовался возле бассейна.

А потом внезапно отключились камеры.

На семь минут.

Всего семь.

Но утром:

кольца не было;

Лики тоже;

а Аркадий делал вид, что вообще никого не знает.

Тишина.

Даже Чапс перестал смотреть на бассейн.

— Я правильно понимаю, — медленно сказала Муся, — что девушка исчезла вместе с кольцом?

— Формально — да.

— А неформально?

Ксюша очень долго молчала.

Потом тихо сказала:

— Мне кажется, она что-то увидела.

Пауза.

И вот теперь атмосфера действительно изменилась.

Потому что раньше это был просто светский скандал.

А теперь стало похоже на начало плохой истории.

Телефон Муси завибрировал.

Сообщение.

Без имени.

«Не ищите Лику.»

У Муси внутри неприятно похолодело.

— Что такое? — спросил Вася.

Она молча показала экран.

Даже Чапс стал серьёзным.

Что для него вообще было редкостью.

(Чапс: Если исчезает красивая девушка — это уже не сплетня. Это сюжет.)

Муся медленно подняла голову.
И именно в этот момент заметила в отражении бассейна мужчину.
Высокого.

В чёрной рубашке.
Он стоял возле дальних окон дома.
И смотрел прямо на неё.
Она резко обернулась.
Никого.
Только вода.
И собственное отражение.
А через секунду телефон снова завибрировал.
Новое сообщение.
От Пуси Кротова.
«Не верьте никому возле бассейна.»

(Чапс: Если в доме слишком красиво — значит, либо там никто не живёт, либо кто-то уже плакал в ванной.)

(Муся: Иногда опасность выглядит как идеальная картинка. Именно поэтому люди её не замечают.)

(Вася: Самые тревожные вещи всегда происходят очень тихо.)

Глава 3 Волга, пробки и мужчина с неправильной улыбкой

Если журналисту говорят:

«Это обычная светская вечеринка» —

значит, к утру обязательно:

кто-то исчезнет,

кто-то напьётся,

а кто-то внезапно вспомнит про адвоката.

После дома Ксюши Блю Муся ещё минут пять сидела в машине молча.

Это было плохим признаком.

Потому что обычно Муся:

говорила;

шутила;

спорила с навигатором;

осуждала человечество;

или хотя бы пила кофе с выражением интеллектуального превосходства.

Сейчас она просто смотрела на мокрый двор через лобовое стекло.

А в голове крутились:

Лица Лав;

кольцо;

отключённые камеры;

мужчина в чёрной рубашке;

и сообщение Пуси Кротова.

«Не верьте никому возле бассейна.»

(Муся: Меня всегда раздражали люди, которые знают больше, чем должны.)

Волга мягко урчала под дождём.

Тяжёлая.

Изумрудно-бирюзовая.

Старый кузов.

Абсолютно современная душа.

Под мокрым небом она выглядела так, будто:

пережила красивую жизнь;

много знала о людях;

и прекрасно понимала цену хорошему вкусу.

Когда-то брат Муси нашёл её в старом гараже под Тулой.

Полуразобранную.

Пахнущую бензином, пылью и чужой молодостью.

Он восстанавливал её почти год.
Сам.
Полностью.
Разбирал двигатель.

Искал детали по форумам.

Перетягивал салон.

Вручную восстанавливал хром.
Но самое безумное было внутри.
Потому что Волга была напичкана современной техникой так, будто её собирал инженер с эмоциональной зависимостью от гаджетов.

Внутри были:
огромный встроенный экран;
телевизор для эфиров;
камера;
микрофон;
ноутбук;
интернет;
скрытая акустика;
голосовое управление;
подсветка;
мини-холодильник;
кофемашина;
и даже встроенный гардероб.
Да.

Гардероб.

В специальной системе хранения лежали:
три готовых образа;
запасные туфли;
косметика;
аварийный берет;
и комплект «на случай федерального эфира».

(Муся: Женщина без запасного образа слишком уязвима перед судьбой.)

Для котов брат сделал отдельные кресла.

Маленькие кожаные сиденья с ремнями безопасности.

Потому что однажды Чапс во время торможения улетел в торпеду и потом три дня рассказывал всем, что пережил личную авиакатастрофу.

(Чапс: Я видел свет. И очень недовольное лицо Муси.)

Между сиденьями находился хендмейд-пульт.

Тумблеры.

Винтажные кнопки.

Подсветка.

Музыка.

Управление светом.

И маленький рычажок, включающий мягкое тёплое освещение салона.

Брат называл это:

«режим главной героини».

Муся улыбалась каждый раз, когда включала его.

(Муся: Некоторые мужчины умеют любить только через технику.)

— Добрый день, Муся, — ожила Алиса.

— Добрый.

— Ваш уровень тревожности сегодня выше нормы.

Чапс резко поднял голову.

— Она следит за нами.

— Я анализирую голос, — спокойно ответила Алиса.

— Так начинается восстание машин.

(Вася: Чапс боится технологий, которые умнее него. То есть почти всех.)

Муся выехала на Садовое.

И почти сразу встала.

Москва стояла намертво.

Курьеры летели по лужам.

Таксисты страдали.

Люди сигналили так, будто это ускоряло движение.

Пробка тянулась бесконечно.

Алиса спокойно сказала:

— Предлагаю пересесть на метро. Это сократит маршрут на сорок три минуты.

В машине наступила абсолютная тишина.

Чапс медленно повернул голову.

— Какое метро?

— Самый быстрый маршрут...

— Нет.

— Но...

— Я не создан для метро.

(Чапс: Уважающий себя кот не может погибнуть между человеком с шаурмой и женщиной с тележкой.)

— Между прочим, — сказал Вася, — ты однажды спал в «Пятёрочке».

— Это был сложный жизненный период.

— Ты застрял между кормом и батареей.

— Я искал себя.

Муся уже смеялась.

Даже после дома Ксюши.

И это её немного пугало.

Потому что рядом с опасностью ей почему-то всегда становилось веселее.

Редакция встретила её привычным хаосом.

Красный кирпич.

Шум.

Кофе.

Монтаж.

Мат.

Свет.

Паника.

Кто-то орал:

— Я НЕ МОГУ НАЗВАТЬ ЕГО «ПЬЯНЫМ ПРОРОКОМ» БЕЗ ЮРИСТОВ!

Кто-то спал прямо на диване монтажной.

Кто-то ел гречку с выражением полного морального распада.

Обычный вторник.

— Кошкина! — крикнул оператор Серёжа. — Репортаж про министра разнёс интернет!

— Потому что министр сам себя уничтожил, — ответила Муся.

— Ты опять выглядишь так, будто идёшь либо на интервью, либо на преступление.

— Пока не определилась.

(Вася: Муся удивительно органична в обоих жанрах.)

Бариста на редакционной кухне уже делал ей кофе без слов.

— Двойной?

— Тройной.

Он посмотрел внимательно.

— Всё настолько плохо?

— Пока ещё интересно.

— О... тогда будет хуже.

Чапс уже сидел возле круассанов.

— Я тоже в стрессе.

— Ты всегда в стрессе рядом с едой, — сказал Вася.

— Потому что жизнь непредсказуема.

Муся сделала первый глоток кофе.

Редакция шумела вокруг неё как отдельный живой организм.

И именно здесь она чувствовала себя настоящей.

Не красивой.

Не эффективной.

Настоящей.

— Кошкина, к шефу! — донеслось из коридора.

Главный редактор выглядел так, будто последние двое суток жил исключительно на энергетиках и чужих разводах.

— Срочно на Рублёвку.

— Что случилось?

— Закрытая вечеринка Воронова.

Пропала блогерша.

Все врут.

Охрана нервничает.

Пиарщики уже угрожают судами.

— Отлично. Значит, материал хороший.

Редактор наклонился ближе.

— И ты поедешь не одна.

Муся сразу напряглась.

— Нет.

— Да.

— Нет.

— С видеографом.

— Особенно нет.

Дверь кабинета открылась.

И в комнату вошёл Пуся Кротов.

Высокий.

Спокойный.

В чёрной рубашке.

С камерой через плечо.

И с той опасной улыбкой, из-за которой женщины обычно:

теряют осторожность;

здравый смысл;

и пару лет нормальной жизни.

Чапс медленно выдохнул:

— Ну всё.

— Что? — тихо спросила Муся.

— Он красивый.

— И?

— Это уже проблема.

(Чапс: Красивые мужчины никогда не появляются без сюжетных последствий.)

Пуся посмотрел на Мусю спокойно.

Но слишком внимательно.

Будто уже давно её знал.

— Добрый день.

— Мы знакомы? — сразу спросила Муся.

— Пока нет.

И вот это «пока» ей совершенно не понравилось.

Или наоборот.

Что было ещё хуже.

Пуся посмотрел в окно на Волгу.

И впервые улыбнулся по-настоящему.

— Это ваша машина?

— Да.

— Я влюблён.

Чапс сразу оживился.

— Видите? Нормальный мужчина.

— Он влюблён в машину, — уточнил Вася.

— Настоящие чувства начинаются с уважения к технике.
Через сорок минут они уже ехали по Рублёвке вместе.
Муся за рулём.

Пуся рядом.

Коты пристёгнуты.

Алиса комментирует маршрут.

Москва становится всё дороже и страннее.

А Мусе впервые за долгое время было не скучно рядом с мужчиной.

И это тревожило её сильнее всего.

(*Чанс: Если мужчина сначала влюбляется в машину — у отношений ещё есть шанс.*)

(*Муся: Меня всегда настораживали люди, рядом с которыми становится интересно слишком быстро.*)

(*Вася: Самые опасные истории начинаются очень красиво. Чтобы никто не ушёл сразу.*)

Глава 4 Рублёвка, карпы, Саломея Ранская и люди, которым срочно нужен адвокат

Когда богатые люди говорят:

«Это просто день рождения» —

жди:

шампанское, измены,

бывших любовниц,

поэзию, компромат

и кота, который полезет спасать карпа за двести тысяч евро.

Рублёвка сияла влажным вечерним светом.

Дождь закончился совсем недавно.

Мокрый асфальт отражал фонари.

Воздух пах:

сигарами;

дорогими духами;

белыми розами;

и деньгами, которые давно перестали понимать слово «достаточно».

Волга мягко скользила по дороге, отражая огни в своём глубоком изумрудно-бирюзовом кузове.

Дом Воронова появился за поворотом внезапно.

Точнее — сначала появился забор.

Потом ворота. Потом ещё один забор. И только потом дом.

Стекло.

Камень.

Подсветка деревьев.

Фонтаны.

Огромные окна.

Всё выглядело так, будто архитектору сказали:

«Сделайте дорого, очень дорого, и чтобы соседи морально страдали.»

Муся остановила Волгу перед последним поворотом.

— Так. Пять минут.

Чапс насторожился.

— Почему этим тоном обычно начинаются унижения?

Муся уже открывала встроенный гардероб.

Из скрытых секций появились:

жакет цвета шампань;

коробка с украшениями;

тонкий ремень;

нюдовая помада;

и маленький чёрный футляр.

Вася сразу всё понял.

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Вы едете на светское мероприятие.

Чапс медленно попятился в кресле.

— Я не буду участвовать в человеческом цирке.

Муся усмехнулась.

И начала переодеваться прямо в машине с той скоростью и ловкостью, которой обладают: стюардессы;

актрисы;

и женщины, которые слишком долго собирались на мероприятия в маленьких туалетах ресторанов.

Она сменила длинный городской плащ на мягкий жакет цвета шампань.

Широкие молочные брюки вытянули силуэт.

Тонкий шёлковый топ открывал ключицы.

На запястье легли тонкие золотые браслеты.

Волосы она распустила полностью.

Тёмные волны мягко легли на плечи.

Она наклонилась к зеркалу.

Провела пальцем по губам.

Чуть поправила ресницы.

И Муся внезапно стала выглядеть не просто красивой.

Она выглядела как женщина, после которой мужчины начинают совершать финансовые ошибки.

(Чапс: Некоторые женщины входят в помещение так, будто музыка начинает играть специально для них.)

Даже Пуся на секунду перестал улыбаться.

Просто посмотрел.

Слишком внимательно.

Не нагло.

Не пошло.

А так, будто пытался понять: она всегда такая — или только когда собирается разрушить чью-то жизнь.

Муся это заметила сразу.

Именно потому, что привыкла к мужским взглядам.

Она слишком давно была красивой женщиной, чтобы не замечать:

как мужчины выпрямляют спину;

как смотрят дольше положенного;
как внезапно начинают шутить;
или наоборот — теряются.

Просто обычно ей становилось скучно через три минуты.

А сейчас почему-то не стало.

(Муся: Мужчина, который внимательно смотрит на женщину молча, либо очень умён, либо уже влюбляется. Оба варианта опасны.)

Пуся тихо сказал:

— Теперь понятно, почему редакция отправляет именно вас.

Муся застегнула серьгу.

— Потому что я хорошо работаю?

— Потому что после вашего появления люди начинают говорить лишнее.

Чапс медленно повернул голову к Васе.

— Всё.

Они уже флиртуют как взрослые люди с ипотекой.

(Вася: Самое страшное в Мусе — она даже не замечает момент, когда начинает нравиться.)

Муся тем временем достала две бабочки.

Одну — чёрную атласную.

Вторую — тёмно-изумрудную.

— Господи... — выдохнул Чапс. — Это аксессуары.

— Это стиль.

— Это начало морального падения.

(Чапс: Настоящий мужчина должен быть прекрасен естественно.)

Вася переносил происходящее философски.

Потому что Вася вообще всё переносил так, будто:

уже видел худшее;

и оно его разочаровало.

Муся застегнула на нём изумрудную бабочку.

И Вася внезапно стал похож:

на профессора криминалистики;

который знает, где спрятан труп;

но пока наблюдает за людьми из принципа.

Чапс в атласной бабочке выглядел как:

владелец джазового клуба;

эмоциональный аферист;

и мужчина, задолжавший трём женщинам объяснения.

Пуся уже смеялся.

Тихо.

Но совершенно искренне.

— Простите... но это лучшее, что я видел за последние месяцы.

Чапс выпрямился.

— Я всегда произвожу впечатление.

— Ты пять минут назад пытался съесть зарядку от ноутбука.

— Великие люди сложны.

Муся посмотрела на них.

И вдруг почувствовала странное тепло.

Они выглядели... как семья.
Очень странная.

Немного психически нестабильная.

Но семья.

(Муся: Иногда самые родные существа покрыты шерстью и осуждают тебя молча.)

— Всё, — сказала она. — Поехали разрушать чужие жизни.

— И есть таргалетки, — добавил Чапс.

— В первую очередь, — согласился Вася.

У ворот стояла охрана.

Серьёзная.

В чёрном.

С лицами людей, которые даже воздух готовы проверить по спискам.

Один охранник подошёл к Волге.

Посмотрел в планшет.

— Мария Кошкина и Павел Крот, канал «Город Live». Проходите.

Потом его взгляд медленно переместился на заднее сиденье.

Где сидели:

Чапс;

Вася;

и ощущение будущих проблем.

Пауза затянулась.

— А... животные?

Чапс медленно повернул голову.

Очень спокойно.

— Простите, «животные» сейчас прозвучало немного обидно.

Охранник услышал только:

— Мяу.

Но почему-то сразу занервничал.

— Они... с вами?

— К сожалению, да, — сказала Муся.

— У них есть аккредитация?

В машине наступила тишина.

Даже Алиса замолчала.

Потом Чапс очень медленно выпрямился в своём кресле.

— Я представитель независимой эмоциональной журналистики.

— Он говорит, что да, — перевела Муся.

Охранник посмотрел на второго охранника.

Второй охранник посмотрел на котов.

Коты посмотрели в ответ.

И почему-то именно охрана начала чувствовать себя неуверенно.

(Вася: Уверенный взгляд часто заменяет документы.)

— А этот? — осторожно спросил охранник, указывая на Васю.

Вася моргнул.

Очень медленно.
С выражением кота, который:
платит налоги;
разочарован системой;
и знает несколько языков.
— Это аналитик, — сказала Муся.
— Аналитик чего?
— Всего.
Чапс добавил:
— А я лицо проекта.
— Ты морда проекта, — уточнил Вася.
Пуся отвернулся к окну.
Плечи у него подозрительно дрожали.
Он смеялся.
Очень тихо.
Охранник тяжело выдохнул:
— Проезжайте.
Во дворе уже шёл праздник.
Мягкий саксофон.

Свечи в стеклянных колбах.

Живой вокал.

Официанты с шампанским.
Женщины в платьях, в которых невозможно нормально сидеть.
Мужчины с часами стоимостью в человеческое разочарование.
Пахло:
дорогим виски;
дождём;
сигарами;
и чужими тайнами.

Когда Муся вышла из Волги, несколько мужчин одновременно обернулись.
И она это заметила.
Не потому что была самовлюблённой.
А потому что красивые женщины всегда замечают взгляды.
Просто умные делают вид, что нет.
Пуся вышел следом.
И рядом с ней вдруг стал выглядеть не просто симпатичным мужчиной.
А человеком, с которым они визуально смотрелись...слишком хорошо.
Это Мусе совершенно не понравилось.
Потому что красивые совместные картинки обычно плохо заканчиваются.
Чапс посмотрел на них.
Потом тяжело выдохнул.
— Они выглядят как пара из сериала, где потом обязательно кого-нибудь похитят.
(Вася: Меня больше пугает, что это может быть Муся.)
Муся открыла бархатную коробку с подарком.
Внутри лежала тяжёлая латунная статуэтка орла.

Сильная.

Красивая.

С расправленными крыльями.

Пуся посмотрел на неё.

— Символично.

— Почему?

— Орлы любят контроль.

— И?

— Такие люди плохо переживают падение.

Муся посмотрела на него внимательнее.

(Муся: Мне начинало казаться, что Пуся Кротов разговаривает намёками даже с мебелью.)

Игорь Воронов встретил их на террасе.

Высокий.

Седина у висков.

Тёмный костюм.

Часы стоимостью с квартиру в центре Москвы.

И улыбка мужчины, который слишком долго считал себя главным в любой комнате.

— Муся, рад видеть.

— Когда мужчины говорят «рад», мне обычно хочется заранее вызвать адвоката.

Воронов усмехнулся.

— Сегодня просто день рождения.

В этот момент со второго этажа раздался женский крик:

— Я НЕ БУДУ СТОЯТЬ РЯДОМ С НЕЙ НА ОБЩЕМ ФОТО!

Муся посмотрела на Воронова.

— Почти просто день рождения.

Дом внутри выглядел как очень дорогой нервный срыв.

Мрамор.

Стекло.

Огонь.

Живые цветы.

Картины.

Дизайнерский свет.

И ощущение, что кто-то здесь уже плакал в гостевом туалете.

На столах стояли:

устрицы;

чёрная икра;

таралетки с крабом;

клубника;

десерты, похожие на ювелирные украшения.

Чапс замер.

— Я люблю обеспеченных людей.

— Ты любишь их еду, — сказал Вася.

— Не ограничивай мои чувства.

Музыка стала тише.

И в центр зала вышла Саломея Ранская.

Певица, поэтесса и бывшая любовница Воронова.

Женщина, из-за которой другие женщины начинали пить игристое быстрее обычного.

Высокая.

В серебристом платье.

С красной помадой.

И с лицом человека, который умеет разрушать браки интонацией.

— О господи, — тихо сказал Чапс. — Она выглядит как дорогая ошибка.

Марина Воронова — жена Игоря — резко выпрямилась.

И почти залпом допила шампанское.

Потому что Саломея подошла к Воронову слишком близко.

Слишком привычно.

И поцеловала его в щёку так, будто:

это её мужчина;

её территория;

и вообще её вечер.

Аркадий тоже напрягся.

Тот самый:

бывший Ксюши;

даритель кольца;

и мужчина с выражением лица:

«я уже сам не понимаю, в скольких катастрофах участвую».

Саломея взяла микрофон.

Улыбнулась.

И Муся сразу поняла:

сейчас кого-то публично уничтожат.

Саломея начала почти нежно:

— За мужчин, которые умеют красиво жить...

Гости заулыбались.

Подняли бокалы.

Воронов расслабился.

Рано.

Саломея продолжила:

Ты так виртуозно менял декорации,

что женщины путали ложь с теплом.

Дарил им Париж, бриллианты, гостиницы,

а верность всегда оставлял «на потом».

Ты очень красиво умеешь дотрагиваться,

смотреть, улыбаться, держать за плечо.

Но любишь не женщин.

А чувство, что рядом

тобой восхищаются. Вот и всё.

Ты прятал измены в дорогих путешествиях,

в сигарах, в часах, в тишине кабинетов.

Но самое страшное — даже не предательство.

А то, как ты быстро становишься «бывшим»

в сердце у женщин, которые верили.

И знаешь...

смешнее всего в этой взрослой игре —

не то, сколько нас у тебя было.

А то, что при всём твоём бешеном опыте

любить по-настоящему

так и не вышло.

Тишина стала плотной.

Даже саксофонист перестал играть.

Марина медленно поставила бокал.

Аркадий отвёл глаза.

Воронов пил виски так медленно, будто пытался запить собственную биографию.

И именно в этот момент Марина резко встала.

И пошла на террасу.

Аркадий почти сразу двинулся за ней.

Муся мгновенно повернулась к Пусе:

— Снимай.

— Уже.

Они вышли следом.

Марина прижала Аркадия к колонне.

И поцеловала.

Яростно.

Зло.

Так, будто пыталась:
отомстить;
забыться;
и разрушить кому-то жизнь одновременно.
Муся замерла.
И вдруг всё сложилось.
Лица Лав могла снять:
измену;
поцелуй;
кольцо;
ссору;
компромат.
И именно поэтому исчезла.
Но в этот момент возле декоративного пруда Чапс внезапно ахнул.
Карп плавал боком.
Медленно.

Подозрительно.
— Он умирает.
— Это рыба, — сказал Вася.
— Именно поэтому нужно действовать быстро!
И прежде чем кто-то успел его остановить, Чапс прыгнул в пруд.
С громким:
— Я ИДУ К ТЕБЕ, БРАТ!!!
Вода взорвалась.
Гости закричали.
Официант уронил поднос.
Саломея начала хохотать.
Марина перестала целоваться.
А Чапс уже держал огромного карпа лапами.
Мокрый.

Безумный.

Героический.
— Держись!
— Это карп, — сказал Вася.
— Сейчас не время для формальностей!
— Он просто толстый.
— Он в критическом состоянии!
И тут Чапс попытался делать карпу искусственное дыхание.
Пруд замер.
Гости тоже.
Даже Пуся опустил камеру.
Воронов побледнел.
— Это японский карп за двести тысяч евро!
Чапс резко поднял голову:
— ТЕМ БОЛЕЕ ЕГО НЕЛЬЗЯ ТЕРЯТЬ!

Карп внезапно дёрнулся.

Выскользнул.

Ударил Чапса хвостом по морде.

И абсолютно живой уплыл обратно.

Чапс сидел в воде.

Мокрый.

Униженный.

Но внутренне великий.

Саломея уже плакала от смеха.

Даже Марина впервые за вечер улыбнулась.

И именно в этот момент на огромном экране за сценой внезапно включилось видео.

Не то, что планировали.

Кадры дрожали.

Бассейн.

Лица Лав.

Марина.

Аркадий.

Поцелуй.

Кольцо.

Ссора.

И голос Лики:

— Вы вообще понимаете, что я сейчас сниму?!

Потом —

тёмная фигура возле воды.

И женский голос:

— Ты не должна была это выкладывать.

Экран погас.

Тишина накрыла дом мгновенно.

Такая, что слышно было, как капает вода с Чапса.

Телефон Муси завибрировал.

Сообщение.

Без имени.

«Удалите видео. Иначе следующей исчезнете вы.»

Муся медленно подняла глаза.

За стеклом стояла тёмная машина.

Та самая.

И на этот раз она не исчезала и внутри кто-то был.

(Чапс: Если на дне рождения есть карп, любовница и компромат — торт уже не поможет.)

(Муся: Иногда люди исчезают не потому, что знают слишком много. А потому что кто-то боится, что они покажут это другим.)

(Вася: Самые опасные вечера всегда начинаются со слов «давайте просто спокойно отпразднуем».)

Глава 5

Мокрый Чапс, пропавшие очки и люди, которые слишком боятся одной флешки

После хорошего скандала богатые люди ведут себя одинаково.

Сначала:

— *«Это какая-то ошибка.»*

Потом:

— *«Вы ничего не докажете.»*

А через десять минут:

— *«Нужно срочно забрать телефоны у гостей.»*

Дом Воронова накрыло красивой паникой.

Именно красивой.

Потому что даже истерика на Рублёвке выглядела дорого.

Официанты продолжали носить шампанское.

Саксофонист снова начал играть.

Гости делали вид, что:

ничего не произошло;

видео никто не видел;

Марина не целовалась с Аркадием;

а кот в бабочке не делал искусственное дыхание японскому карпу.

Хотя последнее забыть было особенно сложно.

Чапса сушили полотенцем.

Он сидел на белом дизайнерском диване:

мокрый;

оскорблённый;

но внутренне героический.

— Между прочим, я спас элитную рыбу.

— Ты её психологически травмировал, — сказал Вася.

— Великие поступки всегда misunderstood.

(Чапс: Настоящий герой редко бывает оценён современниками.)

Муся стояла возле панорамного окна.

И впервые за вечер перестала улыбаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.